

СООБЩЕНИЯ

«ИСТИННАЯ СИСТЕМА» ДЕШАНА

Академик В. П. Волгин

Следы влияния коммунистических представлений, черты сочувствия — более или менее глубокого — коммунистическим порядкам можно найти у весьма далеких друг от друга представителей общественной мысли XVIII века. Мы можем отметить несомненный интерес к коммунизму, а иногда и подлинные хвалебные гимны ему у одного из величайших французских просветителей XVIII в. — Дидро. Исчерпывающий обзор литературных произведений, отражающих в той или иной мере коммунистические идеи, попытался дать А. Лихтанберже в своей книге «Le socialisme au XVIII siècle». В громадном материале, собранном Лихтанберже, многое имеет лишь весьма отдаленное отношение к коммунизму в точном смысле этого слова, многое имеет для истории общественной мысли лишь третьестепенное значение. Тем не менее не подлежит спору, что коммунистические идеи распространялись в XVIII в. самыми разнообразными путями.

В настоящей статье я хотел бы привлечь внимание читателей к учению одного из наименее известных представителей утопического коммунизма XVIII в. — Дешана (Dom Deschamps. 1716—1774). Произведения Дешана отличаются значительным своеобразием и исключительной резкостью и смелостью в анализе социальных отношений и в изображении будущего общественного порядка. В XVIII в. были изданы лишь наименее значительные его произведения, которые, будучи направлены против основных положений просветительской философии, не вызвали к себе большого интереса. Внимания историка заслуживает та часть его литературного наследия, которая была известна в рукописях лишь небольшому кругу читателей (в том числе Дидро) и которая была опубликована лишь много лет спустя¹.

Бenedиктинский монах Дешан строит свою социальную систему на основе весьма оригинальной системы «метафизической». «Метафизика» Дешана резко отличается от господствовавшей в XVIII в. просветительской философии. В ней чувствуется явственный отпечаток религиозных традиций и схоластической методологии. Хотя Дешан и приходит в конце концов к выводам атеистическим и материалистическим, его построение стоит в непримиримом противоречии с эмпиризмом и сенсуализмом просветителей и зачастую напоминает о символах христианской теологии.

Сущее в мировоззрении Дешана триедино. Физическая природа — то, что может быть больше или меньше. Вещи, взятые в их отдельном виде и постигаемые в их бесконечном разнообразии через наши чувства, составляют один аспект бытия, но вопреки философам-просветителям — не единственный аспект. Природа существует так же как целое,

¹ E. Beaussire. Antécédents de l'hégélianisme dans la philosophie française. Dom Deschamps, son système et son école. Paris. 1865; «Dom Deschamps. Le vrai système ou le mot de l'énigme métaphysique et morale» publié par G. Thomas et F. Venturi. Paris, 1939.

как сумма существующего, как логический синтез вещей, объемлющий и проникающий их. Этот второй, метафизический аспект сущего, неотъемлемый от аспекта физического, Дешан именует Целое (le Tout). Отдельные вещи — части универсального единства, которое люди называют природой, миром, материей². Чувственная реальность и le Tout недостаточны, однако, с точки зрения Дешана, для полного постижения бытия. Трудно понять необходимость третьего аспекта сущего, появляющегося в философии Дешана в результате весьма сложного и весьма схоластического рассуждения. Le Tout, охватывая совокупность чувственных вещей, существует только в отношении с ними во времени и пространстве. Это — понятие иной природы, чем природа его частей. Оно недоступно чувственному восприятию, оно умопостигаемо. Но умственно постижима также форма бытия, не связанная ни с чем относительным, совершенно абсолютная. Для такой формы Дешан вводит термин Все (Tout). Tout существует само по себе и в себе. В отличие от le Tout оно бесконечно (infini). Оно является понятием чисто негативным. Tout отрицает le Tout и чувственное физическое бытие, будучи в то же время с ними неразрывно связано и отрицанием их утверждая. В то же время как отрицание оно совпадает с понятием небытия (Rien)³. В отличие от позитивного le Tout отрицательное Tout бесконечно и вечно. Отец, Сын и Святой Дух, говорит Дешан, три мифологических, созданных суеверием формы, соответствующие трем аспектам реального бытия.

В мире нет ничего чудесного, сверхъестественного, утверждает Дешан. Та или иная вещь может казаться нам необычной. Но она всегда является необходимым результатом некоторых необходимых причин, существующих в природе, хотя и скрытых (более или менее) от нас. «Абсурдному» представлению о предопределении Дешан противопоставляет «истинную» идею необходимости. В человеческой природе нет ничего метафизического, что не было бы общим у нее со всяким другим бытием. Различие между человеком и другими живыми существами отнюдь не свидетельствует о его иной природе. Идея нетелесной души и идея ее бессмертия отвергаются Дешаном. Рождение, жизнь и смерть человека — естественная последовательность явлений, существующая в природе, где все начинается, продолжается и заканчивается, чтобы затем воспроизвести себя в других формах, в различных окружающих телах. Отдельные части человека существовали в прошлом в другой форме, точно так же в другой форме будут они существовать и в будущем. В форме человека они прекращают свое существование⁴. Это будущее должно иметь для нас так же мало значения, как имело предшествовавшее нашему бытию прошлое.

Метафизическая истина, по мнению Дешана, есть единственная основа моральной истины, которая, в свою очередь, поддерживает истину метафизическую⁵. Природа человека вызывает в нем потребность объединения, но человек мог прийти к социальному порядку только через состояние дикости. Абсурдно было бы думать, что человек вышел из рук некоего божества совершенно готовым, обладающим языком и моралью. Он постепенно шел к современному положению путем сближения, вызываемого его потребностями и условиями борьбы с окружающей его природой⁶. Это сближение привело к переходу человека от состояния дикости к господствующему в настоящее время состоянию

² «Le vrai système», стр. 75—76.

³ Там же, стр. 80—88.

⁴ Там же, стр. 193—194.

⁵ Там же, стр. 84 и др.

⁶ Там же, стр. 119.

з а к о н о в. Это социальное состояние отличается чертами глубокого морального неравенства, которое обязано своим происхождением физическому неравенству, преимуществу, которое имеет сильный над слабым, более ловкий над менее ловким. Стремление господствовать над другими зарождается в состоянии дикости и возрастает в нашем социальном состоянии. Стремление к господству простирается вначале только на тела людей; но для того, чтобы лучше достигнуть своей цели, люди, стремящиеся к господству, распространили его и на умы при помощи религии и законов. Так к несчастьям людей присоединилось новое несчастье, являющееся естественным плодом нашего невежества, — несчастье неустранимое, пока мы находимся в состоянии дикости или в состоянии законов. Доведенное до крайней степени неравенство, развиваясь в тысячелетиях, привело к ужасным недостаткам социального порядка, существующим, несмотря на то, что этот порядок обладает также по необходимости известными преимуществами. Без этих преимуществ социальный порядок не мог бы существовать, так как в противном случае люди нашли бы во всех отношениях предпочтительным остаться на предшествующей ступени общественного развития ⁷.

Существующее состояние законов, порочное в своей основе, не является в социальной теории Дешана завершающим звеном в развитии человеческого общества. За ним должно неизбежно последовать разумное социальное состояние, которое Дешан называет состоянием нравов, равенства или истинного естественного закона. После установления морального равенства физическое неравенство не сможет приносить обществу того вреда, который оно приносит при состоянии законов.

Необходимой предпосылкой существующего общественного порядка, как и предшествующего состояния дикости, является, как мы уже знаем, невежество людей. Для того, чтобы укрепить порочные основы этого порядка — моральное неравенство и собственность, — необходимо было, используя невежество людей, придумать в поддержку человеческим законам так называемые божественные законы. Человеческие законы сами по себе были недостаточны, чтобы поработить людей. «Физическая сила сама по себе может поработить несколько человек, но к ней нужно прибавить другую силу, чтобы поработить всех людей. Для физической силы нужна некоторая санкция, чтобы овладеть сердцем и умом, чтобы подчинить людей силе, подчиняя их им самим. Мысль о том, что люди могут быть управляемы одними лишь человеческими законами, мысль, которую можно признать верной лишь в отношении преступников, коих можно держать в повиновении палкой и цепями, а не в отношении людей свободных, находящихся под властью законов» ⁸. Моральному злу надо было дать божественное происхождение. Как только люди поняли бы, что зло вызывается человеческими законами, они признали бы состояние законов истинным первородным грехом. Поэтому думать об отмене законов божественных при сохранении законов человеческих — величайшая химера. Если бы не было так называемых божественных законов, было бы значительно легче перейти к порядку нравов.

«Так называемые божественные законы имели своей интеллектуальной основой интуитивную догадку о существовании позитивном и негативном, о едином и единственном, о совершенном, конечном и о бесконечном... о доступном чувственному познанию и о небытии, которое отрицает все доступное чувству» ⁹. Отправляясь от этих догадок, человек, живущий в эпоху состояния законов, с его добродетелями и пороками создал существо разумное и моральное по своему образцу — создал бога-творца и законодателя, вознаграждающего и карающего. Если освободить это поня-

⁷ Там же, стр. 100—101.

⁸ Там же, стр. 202.

⁹ Там же, стр. 103.

тие от того, что привнес в него человек от своего физического и морального существа, в нем не останется ничего, кроме всей совокупности бытия, кроме le Tout и Tout¹⁰.

Действие законов — зло, прикрывающееся видимостью добра. Под их властью все плохо; все люди более или менее несчастны настолько, насколько это возможно. Состояние законов вовсе не основывается на соглашении. Его создает сила, по существу, только сила его и поддерживает. Как сурово ни осуждает Дешан состояние законов, несущее человечеству столько бедствий, в общем ходе развития человечества это состояние выполняет, по его мнению, существенную роль. Существование законов как человеческих, так и божественных было в свое время необходимо. Без них человек не мог бы прийти к истине, открывающей дверь в состояние нравов. Для открытия истины было необходимо размышление о существе вещей и о лучшем социальном порядке. К таким размышлениям толкают человека религия с ее ложными догмами и абсурдной моралью¹¹ и неисчислимы затруднения, создаваемые для него состоянием законов. Дикий человек был подобен младенцу, только что вышедшему из чрева матери. Вплоть до перехода в состояние законов размышления были ему чужды. В начале периода законов люди не знали еще, что он порочен в принципе, не представляли себе всех вытекающих из него зол; поэтому первые их размышления приводили лишь к выводам, закрепляющим состояние законов, освящали господство и собственность. В это именно время возникали божественные законы и религии, существующие до сих пор¹².

Каким большим препятствием на пути к состоянию нравов, на пути к моральной истине являются законы! Каким препятствием является идея бога, бога, который хочет, чтобы человек состоял под властью законов, чтобы им повелевали власть имущие¹³. Истинные принципы морали не связаны необходимо с религией; не надо иметь религиозную веру, чтобы жить согласно этим принципам. Их практическому применению мешает не отсутствие веры, а неравенство и собственность. Верно, что религия проповедует иногда истинные принципы морали. Но она очень осторожно выступает против неравенства, она не может делать этого резко и прямо, так как это противоречило бы ее основной цели — защите состояния законов. И люди верующие в глубине сердца отвергают религиозную мораль, обещающую за соблюдение своих правил вознаграждение в иной жизни; они всегда предпочитают достоверное в этой жизни недостоверному в будущей. А многие просто притворно пользуются прикрытием морали, чтобы вернее и безнаказаннее достигнуть своих целей.

Состояние дикости, говорит Дешан, есть состояние разъединения; при состоянии законов люди в единении остались разъединенными; лишь при порядке нравов, при социальном порядке без законов между людьми установится подлинное единение. В настоящее время вопреки всякому общественному смыслу мы разделены на сословия, до крайности разрозненные. Некоторые из этих сословий сами по себе полезны; другие существуют лишь в силу безумия наших нравов, создаваемых состоянием законов. Таковы церковь, дворянство шпаги, дворянство мантии, финансисты и т. д. В основе всех этих различий лежит господство сильного над слабым. Если бы люди могли постигнуть преимущества состояния нравов, не испытав неудобств состояния законов, у них не было бы ни этого разъединения, ни королей. Ибо зачем были бы нужны короли там, где не было бы ни морального неравенства, ни собственности — этих основных пороков на которые опирается состояние законов¹⁴. Разделение людей укрепляет

¹⁰ Там же, стр. 103—104.

¹¹ Там же, стр. 102.

¹² Там же, стр. 142—143.

¹³ Там же, стр. 104—107.

¹⁴ Там же, стр. 109—110.

их порабощение и тиранию над ними законов. Проповеди против разъединения бессильны, так как его освящает религия. Естественно, что государи со своей стороны всячески содействуют разъединению подданных. Нет смысла порицать мораль государей: она соответствует их положению. Пока существует состояние законов, приходится им повиноваться; исцелить общество может только переход его из состояния законов в состояние нравов¹⁵.

Церковь по природе своего оружия, покоряющего сердце и разум невежественного человека, составляет первый отряд, обороняющий трон; второй отряд обороняет его при помощи шпаги, которая может поразить только тело. Солдат уступает первое место священнику. Верховное существо, которому придают абсурдное имя «царя царей», — не что иное, как глава государства при состоянии законов, король, который составляет в государстве все и находится повсеместно. Небо — это маска, пользуясь которой, церковь служит государю; защита народа от внешнего врага — маска, под которой ему служит шпага. Эти две маски позволяют церкви и войску стать самой надежной опорой государя. Той же цели служат и другие бесполезные сословия — судейские и финансы¹⁶. Именно поэтому бесполезные сословия стоят впереди других, полезных сословий, которые только и должны были бы существовать в разумном государстве, сословий пастухов, земледельцев, ремесленников.

Для человека невозможно вернуться к состоянию дикости. Выйдя из состояния законов, он может прийти, утверждает Дешан, только к состоянию нравов, к состоянию морального равенства. Дешан весьма высоко ценит «Рассуждение о неравенстве» Ж.-Ж. Руссо. Руссо, говорит он, прекрасно показал несчастье нашего социального состояния. Но в то же время Дешан подчеркивает в философии Руссо ряд заслуживающих осуждения недостатков. Руссо не сумел разглядеть порок социального состояния дикости — недостаток единства, который обусловил слабость этого состояния. Руссо не понял, что все религии имеют своей целью освящение пороков существующего общества: отсюда его двойственное отношение к религиям, которые он поражает одной рукой и восстанавливает другой, тогда как ему следовало их все отвергнуть. Наконец, самый существенный недостаток: увидев состояние дикости и наше ложное социальное состояние, он не разглядел истинного состояния общества (то есть будущего состояния нравов)¹⁷.

Так как Руссо не видит будущего общества и возможности перехода к нему, то из его рассуждения можно сделать только один разумный вывод: надо вернуться к состоянию дикости. А так как такое возвращение невозможно, то оказывается, что Руссо написал работу бесполезную, что он лишь усилил наши страдания, описав так ярко наше состояние и не указав никакого средства от наших бед. Из того же непонимания будущего человечества вытекает еще одно важное противоречие в теории Руссо, с одной стороны, признающего, что порочным делают человека неравенство и собственность, а с другой стороны, защищающего идею зависимости положения членов общества от оказываемых ими обществу услуг. При состоянии морального равенства не может быть вопроса о больших или меньших услугах, оказанных обществу: все соревнуются в служении общему благу, никто не претендует на то, чтобы его услуга была более полезной.

В состоянии нравов люди будут исполнены духа бескорыстия, который, по мнению Дешана, в известной мере был присущ первым христианам и основателям орденов. У людей не будет никакой собственности,

¹⁵ Там же, стр. 111—112.

¹⁶ Там же, стр. 116.

¹⁷ Там же, стр. 129—130.

все будет общим¹⁸. Собственность — порок, присущий природе человека в состоянии дикости и в состоянии законов; при состоянии нравов природа человека будет от него свободна. Естественно, говорят защитники собственности, чтобы тот, кто обрабатывает участок земли, пользовался исключительно ее плодами. Это естественно при наших нравах, возражает Дешан, в обществе, где существует собственность; но это будет противоречить природе, будет противоречить разуму в состоянии нравов, в обществе, где земля будет принадлежать на равном основании всем и где люди будут ее обрабатывать согласно, чтобы сообща пользоваться ее плодами. В таком обществе будет невозможно, чтобы человек обрабатывал участок земли для себя одного. Состояние законов придало собственности особую силу, какой он не мог иметь в состоянии дикости; именно в состоянии законов он породил ряд моральных пороков и искусственных страстей¹⁹.

Человек силен тем, что он живет в обществе, объединяющем его с ему подобными. Он обязан обществу своим благосостоянием и своей безопасностью. Но для того, чтобы человек мог пользоваться всеми преимуществами жизни в обществе, необходимо, чтобы социальный порядок действительно их предоставлял.

Счастье индивида существует лишь там, где обеспечено общее счастье. Эта моральная истина логически связана в философии Дешана с основными принципами его метафизики. «Идея Целого,— говорит он,— равносильна идее порядка, гармонии, единства, равенства, совершенства. Состояние единения или общественное состояние вытекает из идеи Целого, которое само есть единство, единение; люди в целях своего собственного благополучия должны жить в общественном состоянии». Присущая людям тенденция к общности есть выражение в области человеческих отношений тенденции частей к их Целому, к центру, к порядку, к счастью, к совершенному благосостоянию, к равенству, к движению по прямой линии, к однообразию действий, к наиболее простым путям, к устойчивому состоянию, к возможному покою²⁰.

Моральная истина, утверждающая единство индивидуального блага и блага общественного, общепризнана; но она бесплодна при нашем общественном порядке, поскольку он основывается на невежестве, моральном неравенстве и собственности. Пока эти злосчастные принципы лежат в основе общественного порядка, люди могут создавать лишь отдельные несовершенные общества, между нациями и между индивидами будет продолжаться борьба. Над сознанием людей будут господствовать самые ложные системы, самые абсурдные догмы, самые смешные басни, самые тиранические законы²¹. Рассеять эти мрачные тучи, осветить землю, упразднить законы и поставить на их место нравы, как мы уже знаем, может только постепенное раскрытие и распространение истины.

Разумные потребности людей, утверждает Дешан, состоят в создании прочного общества, в обладании здоровым, приятным жилищем, в том, чтобы быть умеренно занятым полезным и неотягощающим трудом, иметь питание и одежду, иметь с кем наслаждаться. Все то, что выходит за эти пределы, составляет излишества, которые нас убивают. Простота образа жизни обеспечивает ее длительность; простота есть признак истинно разумных нравов. Под властью таких нравов, не зная приказов и повиновения, люди будут жить, имея в изобилии все необходимое, без «твоего и моего», спокойно, однообразно, без душевных страданий, не боясь быть ниже, не стремясь стать выше. Среди них не будет существовать ни зависти, ни ревности, ни одной из тех искусственных страстей, которые соз-

¹⁸ Там же, стр. 117—118.

¹⁹ Там же, стр. 121.

²⁰ Там же, стр. 205—206.

²¹ Там же, стр. 155—156.

дают из нашего рода самых неразумных животных, наиболее далеких от того счастья, к которому наш род стремится в силу естественного метафизического закона ²².

Мы уже упоминали о том, что с рукописями Дешана был знаком великий французский философ XVIII в. Дени Дидро. Интересен один отрывок из частного письма Дидро, не предназначенного к печати (письмо к Софи Волан). «Один монах,— писал Дидро,— по имени Дешан, дал мне прочесть одно из самых резких и самых оригинальных произведений, какие мне известны. В нем изложена идея социального устройства, к которому человечество должно прийти после того, как оно, выйдя из дикого состояния и пройдя через состояние организованное, познает всю тщету самых важных установлений и придет, наконец, к пониманию той истины, что человеческий род будет несчастен, пока у него будут короли, священники, судьи, законы, твое и мое, понятие пороков и добродетелей. Посудите, сколько должно было бы доставить мне удовольствия это произведение, как плохо оно ни написано: я внезапно оказался в мире, для которого я рожден... Вернувшись к себе, я начал мечтать о принципах и выводах моего толстого бенедиктинца, по своему виду и по своему тону настоящего старого философа. Его произведение, из которого я не вычеркнул бы ни одной строчки, полно новых идей и смелых утверждений». Не придавая слишком серьезного значения последней фразе Дидро, мы не можем не признать совершенно бесспорным сочувствие великого философа основным принципам «толстого бенедиктинца».

Переход к состоянию нравов связан в представлении Дешана с отказом от всех «искусственных» потребностей, а потому и от всех видов труда, не связанных с потребностями «естественными». В будущем, утверждает он, люди будут изучать природу лишь в той мере, в какой это необходимо, в какой это для них полезно и не требует слишком больших усилий. У людей будущего не будет многих развлечений, которыми люди увлекаются при нашем безумном порядке. У них не будет наших театральных зрелищ с их острыми, но быстро проходящими впечатлениями. У них не будет очаровательных женщин, величественных дворцов, дивных садов и парков, изысканных блюд, драгоценных камней — вещей, которые дают меньше счастья тем, кто ими обладает, чем несчастья тем, у кого их нет. Все эти удовольствия выйдут, по мнению Дешана, за пределы истинных потребностей человека, их отсутствия люди не будут и чувствовать, так как они не будут иметь о них никакого представления ²³.

Изящные искусства будут чужды пониманию людей, у них будут лишь полезные искусства, как то было во времена патриархов. Изящные искусства являются необходимым элементом наших нравов; мы нуждаемся в них для отдыха от нашего духовного и физического утомления, от скуки. Они нам необходимы, чтобы внести некоторую гармонию в нашу дисгармонию, чтобы насытить наше воображение красотами природы, которых мы лишены в наших городах, или другими предметами, способными доставить нам наслаждение. Но в состоянии нравов, где мы будем заняты легкими работами в соответствии с нашим вкусом и интересом, в обществе, которое обеспечит наше счастье,— какую пользу смогут нам принести такого рода искусства? ²⁴.

При вступлении в состояние нравов, говорит Дешан, надо будет уничтожить все, что мы называем произведениями искусства. Эта жертва будет, конечно, велика. Но её необходимо принести: зачем сохранять для потомков вещи, которые никому не будут нужны и которые будут лишь свидетельствовать о нашем безумии. В своем аскетическом рвении Дешан не останавливается даже перед тем, что, казалось бы, должно было быть

²² Там же, стр. 104—107.

²³ Там же, стр. 160—162.

²⁴ Там же, стр. 175—176.

ему ближе всего,— перед книгами. Книги, как и всякого рода документы, должны быть сожжены. Чем больше об этом размышляешь, говорит Дешан, тем больше убеждаешься, что даже наиболее почитаемые книги по физике и метафизике существуют, как и все другие наши книги, лишь в силу нашего невежества в отношении основной истины. В них не будет никакой надобности в состоянии нравов: что нужно будет знать для работы, люди будут узнавать из той открытой книги, которой является для них практика отцов. Существующие ныне книги требуют и готовят книгу, которая сделала бы их все ненужными, так как их право на существование основывается на том, что без них эта книга не могла бы появиться, как не могла бы появиться истина без предшествовавших ей абсурдных знаний. Такой завершающей книгой Дешан считает свою книгу, которая откроет людям истину и тем обеспечит их переход из состояния законов в состояние нравов. После того как возвещаемая последней книгой истина получит распространение, она сама станет совершенно не нужна человечеству. С уничтожением последней книги люди освободятся от тяжелого и ненужного им более труда — от изучения искусства чтения и письма. После этого книги, если и смогут быть для чего-либо полезны, то только для топки²⁵.

В идеальном обществе Дешана люди не разделяются на семейства. Каждое поселение составляет как бы одну семью: «Все женщины будут для мужчин тем же, чем все мужчины будут для женщин,— общим достоянием». Дети не будут принадлежать в отдельности такому-то мужчине и такой-то женщине; они будут принадлежать обществу в целом. Их воспитание с самого раннего детства будет совсем иное, чем у нас; они будут вырваны из-под опеки женщин и будут расти значительно более самостоятельно. Они будут учиться труду, наблюдая, как трудятся старшие. Выросши, они будут уже знакомы со всеми полезными работами и смогут работать там, где это будет нужно для общества. Но как же это, скажут мне, значит, матери не будут принадлежать ее дети? Нет; зачем нужна эта «собственность», за которую дети часто жестоко расплачиваются со своими отцами и матерями²⁶. Не надо думать, чтобы этот порядок вызывал какие-либо неудобства. Наоборот, неудобства вызывал всегда и везде существующий в брачных отношениях порядок «моего и твоего». Общность и здесь поведет к миру и единению, к устранению поводов к зависти, ревности и вражде.

Люди будут при господстве состояния нравов жить в поселках деревенского типа. В каждом поселке будут общие жилища, общие амбары, магазины, скотные дворы. Отдельные поселки будут взаимно помогать друг другу, будут совместно создавать общие предприятия, например мельницы. Никаких споров между ними при состоянии равенства и при изобилии всего им необходимого возникать не будет²⁷.

После победы морального равенства и общности над неравенством и собственностью все изменится в человеческих отношениях и в человеческой природе. Люди не будут знать ни культа, ни взаимной зависимости, ни войны, ни суда, ни финансов, ни вымогательства, ни торговли, ни мошенничества, ни банкротства, ни каких-либо спекуляций, ни воровства, ни убийства, ни морального зла, ни уголовных законов. Все искусственные страсти без всякого исключения, все извращенные вкусы и всякого рода безумства исчезнут; естественные желания, всегда разумно умеряемые, не будут выходить за пределы, начертанные разумом, нашим здоровьем и стремлением к продолжению нашей жизни²⁸. В состоянии нравов каждый будет следовать своим наклонностям; но они будут подчинены разуму и будут соответствовать целям общественной гармонии.

²⁵ Там же, стр. 157—159, 160—162.

²⁶ Там же, стр. 170—171.

²⁷ Там же, стр. 163—165.

²⁸ Там же, стр. 166—167.

Люди состояния нравов будут распределять между собой в соответствии с возрастом, силой и полом необходимые для общества работы. Так как число работающих, а работать станут все без исключения, будет велико, а количество потребностей, при отсутствии роскоши и излишка, мало, то труд не будет для них утомительным и тягостным. Склонность к порядку, к правильной организации труда, к удобству и чистоте во всем, преимуществу и удовольствию совместного труда для одной и той же цели — общего блага — будут доставлять им живую радость, предупреждая всякую возможность отвращения к труду, которое мы так часто испытываем²⁹. Все виды занятий будут подходить для каждого, так как они будут просты, и каждый будет переходить от одного вида труда к другому. Пагубное разделение людей не только по сословиям, но и по полезным профессиям будет полностью уничтожено. Предвосхищая Фурье в своей характеристике труда в будущем обществе, Дешан выражает уверенность, что труд при порядке нравов будет приближаться к развлечению и удовольствию³⁰.

При состоянии нравов люди будут говорить на одном общем языке, который будет очень легко изучить, так как он гораздо проще наших языков, которые передают из поколения в поколение абсурдные выдумки наших отцов. Для изучения языка детьми будет вполне достаточно практики³¹.

Одежды людей будут очень просты. Они будут удобны, и люди смогут обеспечить себя ими в изобилии. Мебель будет состоять лишь из скамей, табуреток, столов и топчанов, чем-либо прикрытых. Всякого убранства, требующего искусства или напряжения, люди будут избегать. Они сократят количество земли, отведенное под пастбища и виноградники, отводя больше земель под зерновые культуры, овощи и лес, так как считают растительную пищу более полезной для человека. Люди будущего не будут, по мнению Дешана, употреблять ни мяса, ни рыбы, ни соли, ни крепких напитков. Их пища будет состоять из хлеба и воды, из овощей, из фруктов, из молочных продуктов, из масла, из меда и яиц. Эта пища, полагает он, наиболее разумна и наиболее здорова, а к тому же ее приготовление требует меньшего труда. При общности имущества, когда все принимают участие в обработке земли, она будет приносить несравненно больший урожай, чем приносит в настоящее время³².

Так как все необходимое люди будут иметь в изобилии, то они не будут заботиться о постройке кораблей для поисков нужных им предметов за морями. Они будут понимать, что природа помещает полезное у них перед глазами, под их ногами и что нужно лишь немного труда и мудрости, чтобы иметь в изобилии все, что им нужно. Идея наших городов и всего, что в них заключается, наших храмов, наших Лувров, наших крепостей, наших arsenалов, наших трибуналов, наших монастырей, наших рынков, наших банков, наших лавок, наших школ, наших академий, наших манежей, наших госпиталей, наших тюрем — эта идея будет им чужда: она безумна сама по себе, и она совершенно несовместима с их нравами³³.

Поселки, не обладающие на своей территории нужными им вещами (деревом, железом, камнем), смогут получать их из других поселков, предоставляя им в случае необходимости в обмен те предметы, которые у них имеются. Но подобный обмен отнюдь не может иметь при состоянии нравов коммерческого характера³⁴. Какой-либо организации власти, объединяющей поселки и руководящей их деятельностью, Дешан не пре-

²⁹ Там же, стр. 172.

³⁰ Там же, стр. 181.

³¹ Там же, стр. 173—174.

³² Там же, стр. 176—180.

³³ Там же, стр. 185—186.

³⁴ Там же, стр. 186.

дусматривает, приближаясь, таким образом, в вопросе об общественной власти в будущем обществе к антигосударственной концепции Годвина.

Чтобы выйти из состояния рабства, в котором человека держат законы, чтобы открыть истину и перейти к состоянию морального равенства и свободы, нужно было, чтобы рабство вызвало в человеке дух протеста. Дешан утверждает, что современное состояние общества с неизбежностью вызывает возмущение «сердец и умов». Люди стремятся освободиться от всякой зависимости всеми имеющимися у них средствами. Законы налагают узду на самые естественные наши склонности, и наши склонности, встречая сопротивление законов, возмущаются против них. Люди приходят в состояние раздраженности, толкающее их к насилиям. Но отнюдь не в этих насилиях видит Дешан путь к утверждению нового порядка. Очевидность, убеждение в преимуществах этого порядка достаточны, по его мнению, чтобы обеспечить его установление без всякого пролития крови³⁵.

В представлениях Дешана о переходе к будущему идеальному состоянию есть ряд черт, сближающих его с современными ему просветителями, с которыми он по другим вопросам столь резко полемизирует. Этот переход должен произойти в результате открытия и торжества истины. В распространении этой истины Дешан, как и буржуазные мыслители XVIII в., первенствующую роль отводит культурным, образованным людям. Заставить людей перейти от состояния законов к состоянию нравов, говорит он, могут только усилия образованных людей. У образованных людей наиболее ясно сознание пороков существующего порядка. Народным массам Дешан отводит в изображаемой им картине социального преобразования совершенно пассивную роль³⁶.

Социальная философия Дешана интересна для историка общественной мысли многими своими сторонами. Она свидетельствует о том, что влияние коммунистических тенденций, — связанных, по правильному указанию Энгельса, с первыми попытками самостоятельного движения того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата³⁷, — проникало подчас в весьма неожиданные для нас общественные круги. В соответствии с той общественной средой, в которой эта теория возникла, она дает нам исключительный в своем роде образец сочетания утопического социального построения с совершенно чуждой XVIII в. схоластически-метафизической системой. Наконец, она замечательна как образец теории, доводящей до крайних пределов те черты аскетизма, которые характерны, по словам Маркса и Энгельса, для ранних проявлений коммунистической мысли³⁸.

³⁵ Там же, стр. 139—141.

³⁶ Там же, стр. 205.

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 18.

³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V. Изд. 1-е, стр. 509.